

Joanna Korzeniewska-Berczyńska

Об интригующем в семантике современного русского слова в восприятии инокультурного исследователя

Acta Polono-Ruthenica 9, 241-248

2004

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Joanna Korzeniewska-Berczyńska
Olsztyn

Об интригующем в семантике современного русского слова в восприятии инокультурного исследователя

Тектонические, поистине, социополитические сдвиги неимоверной интенсивности документируются всегда безошибочным и чутким сейсмографом, т.е., языком, точнее – его лексико-семантической подсистемой на уровне текста. Таким образом идут грандиозные процессы осмысления и переосмысления действительности. В рамках данного эскиза мы можем обособить лишь несколько витальных лексико-семантических процессов, которые являются причиной интригующего в новом и обновленном русском слове.

Мы заинтересованы, в основном, движениями между двумя сферами функционирования слов, т.е., системой с одной стороны, и записью живой речи в публицистическом, сиюминутно реагирующем на происходящее, дискурсом. Между этими двумя пространствами происходят миграционные процессы; это массовые переселения целых пластов слов (например, религиозно-духовная лексика) в живую речь, и советизмов – в словари, обычно с пометами *арх.*, *ист.* Эти перемещения сопровождаются нередко обогащением семантической структуры слова за счет новых, часто небанальных смыслов.

Сказанное ярче всего отражено во „фразеологизмах новой волны”, и это не вызывает удивления, ибо любой поворот в жизни социума есть причина возникновения множества семантических, очень образных словосочетаний, которые создают новую картину действительности¹.

В названном аспекте интересны реанимированные и обогащенные новыми фразеологическими связями лексико-семантические единицы, которые „переехали” из словарей в актуальный публицистический дискурс. Кроме сугубо религиозной лексики, это тот пласт языковых единиц, который можем определить как духовно-аксиологический, объединяющий

---

¹ См., между прочим, труды: В. Н. Телия, *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва 1996; В. Шапошников, *Русская речь 1990-х. Россия в языковом отображении*, Москва 1998; Р. И. Яранцев, *Русская фразеология. Словарь-справочник*, Москва 2001.

слова, которые выражают изменение ценностных ориентиров. Следует напомнить, что в 1987 г. вышла на экраны знаменитая кинокартина Абуладзе *Покаяние*, в которой режиссер ставит труднейший для человека, но вместе с тем экзистенциальный вопрос: „Какая улица ведет к храму?” Это метафорически выражено сомнение становится очень популярным, даже необходимым в поисках утраченного места под солнцем. И так, возникает богатейший ряд фразеологизмов со словами *духовность, нравственность, ценности*. Например: *духовный вакуум, кризис, мир; духовные запросы, стремления, ожидания, поиски; духовная близость, жажда*. А в противовес: *бездуховная почва социализма, духовный беспредел*. Нравственными именуются ожидания, стремления, запросы, поиски, ориентиры. „Классово-враждебным” и „абстрактно-гуманитарным” противопоставляются обновленные в общественном сознании ценности: *общечеловеческие, гуманитарные, вечные, элементарные, христианские, универсальные, подлинные, извечные, евангелистские, базовые* и т. п.

Следует также отметить обилие активизированных в речи лексико-семантических единиц с суффиксами *добро-, благо-*: *добропорядочность, добронравие, добросовестность, благосклонность, благодетельность, благотворительность* и т. п. Таким образом, есть основания предполагать: такого типа словарные записи отображают прежде всего факт, что в центре массового внимания, а затем – восприятия, встает человек и его запущенный внутренний мир, человек и его воскресаемая в новых благоприятных условиях индивидуальность.

Безудержные переосмысления – это, естественно, знак нового времени, в котором коренным образом меняются нравственные ориентиры и предпочтения. Эти процессы относятся, как правило, к парадигмам советскости и коммунистичности, к тому, что на новоязе принято называть советским образом жизни. Однако под давлением событий переосмыслениям подвергаются знаки, составляющие триаду демократия – рынок – реформы. В этом новом пространстве доминируют: синдром всеотрицания, отверженность, непонимание, но и смирение, а также страх. Желая защищаться, здесь часто применяются средства иронии. Примеры: *советский миропорядок, социализм с человеческим лицом* (как несбываемое, но все-таки, – ожидаемое), *партия* (о КПСС, которая никогда не была партией, т.е. – свободным объединением людей для достижения общих целей).

Стоит еще сосредоточить внимание на концепте большевизм, который кроме известного исторического, получает еще и ментальное значение. Родословной становится Ульяновск, получивший номинацию большевистский

Вифлеем, а большевизм – оценивается как способ решения социальных проблем принудительным путем. На основе многочисленных публицистических источников можно констатировать, что большевизм воспринимается сегодня также как особая форма догматического сознания, это нетерпимость и нетерпеливость, а также абсолютный приоритет абстрактной цели над конкретными средствами. Обратимся к контекстам: большевики борются с небольшевиками, антикоммунизм с большевистским лицом вольготно разгуливает по улицам, большевистская решимость (о властвующих т. н. демократах).

Радиация разлагает тело, а беспамятство – души, и потому попытки понять, усвоить новый миропорядок не могут обойтись без осмысления порочности уходящего режима². Кстати, они по сей день имеют сугубо эмоциональный характер, объединяясь в парадигму сплошного отрицания. Итак, социализм определяется следующим образом: командный, барачный, казарменный, лагерный, утопический, уравнилельный, государственно-монополистский и т.п. До окончательного краха Империи ожидания простого советского человека все еще были связаны с надеждой реформированности этого миропорядка. Заговорили о социализме чистом, ленинском, зрелом, самоуправляющемся, демократическом, наконец, – о социализме „с капиталистическим лицом”, который должен стать эффектом отбора, а затем – скрещения самых лучших свойств социализма и капитализма.

Интерпретация мира обусловлена во многом и менталитетом, и национальным характером. Как известно, русскому человеку испокон веков характерно самоистязание и максимализм. Ярким доказательством такому является синтезирующая оценка советского миропорядка типичная для психоза сплошного отрицания и высмеивания: Телега с авиационным двигателем, куриная изба плюс телевизионная антенна – НГ, 19.1.94.

Кстати, по мере надвигающихся социальных бедствий однозначно критически воспринимается и „новая демократическая власть”: *российские вельможи* (о демократах, с 1993 г.)³; *лживая демократическая власть*; *демократическое начальство*; *оперуполномоченные от победителей*;

---

² Список свыше восьмидесяти определений советского режима, функционирующих в перестроечное и раннее постперестроечное время, см.: J. Korzeniewska-Berczyńska, *Od Wielkiego Października do Wielkiej Wandej. Transformacje w świadomości socium i magia słów*, [w:] *Literatura i słowo wczoraj i dziś. Piśmiennictwo rosyjskie a państwo totalitarne*, Wydawnictwa Naukowe Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 1993, s. 237–244.

³ Этот антропоним ассоциируется с „подпольным” изречением тех времен: *Посмотрите на раскормленные рожки советских вельмож! Сколько в них презрения к беспартийной и мелкопартийной шухере!*

(конец 1993 г.), *временщики криминальной власти* (о демократах, в 1998 г.), *строители капитализма методами военного коммунизма*; (тоже с 1993 г., после августовского экономического краха), примерно с того же времени, экспрессив дерьмократия.

Неологизмы и окказионализмы всегда обогащают процесс развития языка, даря заодно возможность изучать новации семантической структуры; их изобилие – знак революционных перемен, которые захватывают все сферы социополитической, а следовательно – и личной жизни этноса-человека. Не вникая, разумеется, в подробности целесообразно напомнить, что советский человек, еле успев опомниться после „шока всеотрицания”, оказался в центре стихии рыночного омута, образовавшего „новый дивный мир”⁴. В настоящей статье внимание сосредоточивается именно на этом пространстве функционирования новых правил и вынужденного, совершенно нового социального поведения. Предлагаем несколько самых ярких примеров: *Год Великой Приватизации* (о 1995 г., судьбоносные последствия которого ассоциируются в русском сознании с исполненным неимоверных лишений Годом Великого Перелома, 1929 г.); *единственно правильный рыночный путь*; *господство разгулявшегося рыночного криминала*; *светлое рыночное будущее* (однозначно ассоциируется с обещанным коммунистическим светлым будущим; ради обещанной „светлости” *нестрашны любые лишения и подвиги*; *свирепобезответственный рынок* (особо после краха 1998 г.); *безумная диктатура денежного мешка* – ЛГ, 16.1.2002. И констатация: *Утраченное надо заменить верой в свою душу бессмертную, да в частную собственность*. – ЛГ, 5.1.2000.

Сегодня очень немного осталось от застенчивой надежды построить социализм с человеческим лицом, однако рухнули также надежды на капитализм с человеческим лицом. Страдание, бездомность, неуверенность в завтрашнем дне, разочарованность от пустых обещаний, выливаются в богатое семантическое поле гибрида мировой практике незнакомого. Перейдем к примерам: *демократическое одновластие* (октябрь 1993), *абсолютно демократическая диктатура* (с горькой иронией, после октября 1993 г.), *гигантская демократизация населения, время политических вакханалий и трансформаций* (конец 1993 г.), *демократическое партстроительство*

⁴ Подробно на эту тему см.: В. Г. Костомаров, *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*, изд. второе, исправленное и дополненное, Санкт-Петербург 1999, *passim*, а также: И. Коженевска-Берчинска, *Антропоцентрический анализ парадигмы рынка в языковой картине мира россиян. К вопросу о культурном тезаурусе преподавателя*. „Русский язык в центре Европы” 1999, нр 1, с. 13–20.

(метафора, активная с 1994 г.), *православизм* (он заменил марксизм-ленинизм), *номенклатурный капитализм* (смесь административно-бюрократической системы с новой, рыночной), *эпоха исторического перехода от одного уровня жизни к совершенно другому* (иронически, о бедственных последствиях приватизации), *переходный период от коммунизма к коммунизму* (с 2000 г.), *криминальная страна* (повсеместно, в разные годы).

Когнитивным потенциалом обладают в значительной степени инвективные антропонимы. В любое переломное время сильно возрастает ощущение „чужести”, и это выражается в обилии однозначно оскорбительных образованиях. Такие лексико-семантические единицы включают в себе веские качества нового и обновленного российского публицистического дискурса, это: феерия неологизмов, окказионализмов, неосемантизмов, перенасыщенность метафорическими образованиями, эвфемистичность, перифрастичность, а также использование едкой иронии и других всевозможных экспрессивных средств, усиливающих выражение ненависти, презрения и т.п.

Обратим внимание на две группы особей, заселяющих, начиная с перестроечных лет, советское русское этническое пространство. Это коммунисты или те, кто был воспитан коммунистическим режимом. Примеры: *слой мутантов* (идеологией оправдывают собственную безнравственность), *коммуняки-русификаторы* (в республиках); о них же: *оккупанты, пришлые, чужаки, мигранты, русскоязычные, инородцы, фашисты*. После 1992 г. в активном словаре появляются выражения типа: *коммунисты-перебежчики* (иначе коммутанты, т.е., те, кто вдруг оказался в т. н. демократическом лагере); *единомышленники-ленинцы* (современные коммунистические ортодоксы); *не могущие поступаться принципами* (о „твердокаменных” коммунистах типа Нины Андреевой, не желающих перестраиваться)⁵. Еще другие экспрессивы: *оборотни* (т.е., перебежчики); *новообращенные коммунисты* (о молодых приверженцах коммунистической системы); *возвращенцы в коммунизм* (разочаровавшиеся в рыночном миропорядке); *перекрасившаяся советская номенклатура* (о демократических правителях); *шарики и швондеры* (лезут нам в души) – о людях примитивных, их нравственные ориентиры – это идеология и жажда власти; сторонники „единственно правильного учения”; *проходимцы от коммунизма*.

⁵ Н. Андреева, *Не могу поступаться принципами*, „Советская Россия”, 13 марта 1988.

В начале девяностых активизируются новообразования совок – совковость – совкизм⁶, которые выступают во фразеологизмах типа: *совковая жижа* (об обществе); *совковый язык* (миру непонятен); *совковые нравы, руины*, а также *самобичевание совковостью*. Совок может быть кающим, взыскующим, вопрошающим. И более широкий иронически-ниспровергательный контекст: „Совок исповедует самое передовое в мире единственно правильное учение [...] ощущает себя центром мира, предпочитает запрещать, обожает разоблачать” – МН, 27.9.98.

Естественно, не обходятся вниманием и „новые вершители судеб”, о которых Степанов говорит: „Мы живем в стране, где бесплатная трудовая услуга [...] все еще слава Богу считается нормой. Мы ездим в другие страны [...], где такая услуга считается [...] странностью и глупостью. В таком отношении к деньгам – константа русского национального характера [...]. Но в последнее время эта граница пролегла внутри общества. Молодежь активного возраста – иногда их называют «новыми русскими», придерживается иных взглядов: Мы в России переживаем эпоху начального накопления [...], а в эту эпоху критерии особые. Ради накопления доступно обмануть [...]. Допустимо уничтожить «юридическое лицо», а в крайнем случае даже уничтожить «физическое лицо»⁷. Равно в цитированных лексико-семантических единицах, как и в рефлексии Степанова, выражена посредственно этическая максима, которую очень удачно формулирует В. Шохина, перифразируя мысль Достоевского: „Если Бог есть, то все дозволено”. Приведем еще несколько словообразований, подтверждающих массовость такого восприятия „новых русских”: *герои начального нахпления, доморощенные бизнесмены, постсоветская буржуазия, новые русские скоробогачи, российские „джентельмены удачи”, новорусские образования* (на теле и на душе общества).

Вполне понятно, что многочисленные неологизмы-антропонимы имеют стилистически нейтральные характеристики, они служат просто средством фиксации некоторых объективных „новоявлений”. Это, например, названия порочных социальных групп: *бичи-бомжи, поисковики* (грабят трупов на войне), *мусорицики* (социальные гиены), *мокрушники* (бандиты, орудующие на автостадах), а также „порождения” рыночной действительности: *старые бедные и новые бедные* (пенсионеры и работники бюджетной сферы), *челленджеры* (занимаются мелкой торговлей с Турцией), *дети подземелья*

⁶ В. Г. Костомаров, *op.cit.*, с. 231–237.

⁷ Ю. С. Степанов, *Константы. Словарь русской культуры*, изд. второе, Москва 2001, с. 560.

(с 1994 г. так называют детей, которые просят подаяния в метро). Возникают также близкие рыночному миру определения: *трудоголики*, *менеджеры-консультанты* (т.е., продавцы), *халявщики* (те, кто стремится к любой дармовой кормушке).

Данный эскиз заключает в себе долю истины о духовных скитаниях советского человека, своеобразного (не по выбору) маргинала, который живет как будто в двух мирах, но не является жителем-постояльцем ни одного из них. Желательно отметить, что для инокультурного исследователя интригующее в новом и обновленном русском слове главным образом то, что закамouflировано, что имеет под- и затекстный характер, причем трудности восприятия, если их удастся преодолеть, дарят нам радость познания. Заодно, мы лишний раз убеждаемся в том, что культура накладывает глубокий отпечаток не только на поведение человека, но и на своеобразие выражения эмоций, интерпретации действительности. Резюмируя, мы выражаем убежденность, что целесообразно следовать хотя бы максиме М. Мамардашвили: Люди разные, и такими разными они должны жить вместе.

Streszczenie

Artykuł jest efektem badań dotyczących innowacji w zasobie leksykalnym współczesnego języka rosyjskiego. Ze względu na wąskie ramy konstrukcyjne wypowiedzi, autorka analizuje tylko wybrane zjawiska, zwracając szczególną uwagę na relacje zachodzące pomiędzy tzw. słownikową egzystencją wyrazów a burzliwym życiem innych wyrazów w tekście publicystycznym. Na tym obszarze zachodzą procesy migracyjne, co dotyczy w szczególności leksyki opisującej sowieckość z jednej strony i leksyki wskrzeszonej, która wiodła przez wiele dziesięcioleci spokojny „życie słownikowe” – z drugiej. Interpretując to zjawisko, autorka wiele spostrzeżeń wiąże z nowymi frazeologizmami oraz w ogóle z neologizmami i okazjonalizmami. W podsumowaniu stwierdza, że dla badacza obcojęzycznego najbardziej intrygujące są znaczenia, które odkrywamy w zatekście oraz podtekście, przy czym, jeżeli uda się nam pokonać trudności, doznajemy tego uczucia, które można określić jako radość poznania.

Summary

About the intriguing in the semantics of the contemporary Russian language in the perception of a researcher from a different culture background

The article is the effect of the author's research concerning innovations in the lexical store of the contemporary Russian language. Due to the narrow constructive frames of expression the author analyses only selected phenomena paying special attention to the relations taking place between the so-called dictionary existence of words and the dynamic life of other words in the journalistic text. Within this field there take dynamic, migratory processes, which particularly refers to the lexis describing soviethood on the one hand and the revived lexis that, for decades,

led a calm „dictionary” existence, on the other. While interpreting this very phenomenon the author associates many of her observations with new idiomatic expressions and generally neologisms and occasionalisms. Summing up the content of her deliberations she states that for a foreign researcher the most intriguing meanings are the ones discovered beyond the text and in the subtext. Provided we manage to cope with the difficulties of comprehension, we experience the sensation that can be referred to as the joy of cognition.